

Глеб Иванович Успенский

От Белграда до Парачина и назад

Глеб Иванович Успенский
От Белграда до
Парачина и назад
Серия «Письма из Сербии», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664425

Аннотация

«...19-го октября на измученных, истомленных противоречивыми известиями, получавшимися каждый день из армии, жителей Белграда точно громом грянули невеселые известия об оставлении Джюниса. Погода числа с 15-го из теплой и ясной круто изменилась в холодную и дождливую; резкий ветер, слякоть и холод (на котором в это время лежали в Топчидере раненые) вместе с неудачной войной сделали пребывание в Белграде весьма тягостным. У многих явилась мысль тотчас отправиться к Делиграду и своими глазами «посмотреть» – что же это такое там творится? ...»

Глеб Иванович Успенский

От Белграда до Парачина и назад

19-го октября на измученных, истомленных противоречивыми известиями, получавшимися каждый день из армии, жителей Белграда точно громом грянули невеселые известия об оставлении Джюниса. Погода числа с 15-го из теплой и ясной круто изменилась в холодную и дождливую; резкий ветер, слякоть и холод (на котором в это время лежали в Топчидере раненые) вместе с неудачной войной сделали пребывание в Белграде весьма тягостным. У многих явилась мысль тотчас отправиться к Делиграду и своими глазами «посмотреть» – что же это такое там творится?

В числе таких желающих был и я. Х-в, известный русский купец-путешественник, собиравшийся уехать в Делиград на следующее утро, предложил мне ехать с ним, чем я и воспользовался; доставать «объяву» на право получения почтовых лошадей и дожидаться этих лошадей при страшном разгоне по дню и более – дело скучное и надоедливое; у Х-ва же была какая-то особенная объява, по которой ему должны были выдавать лошадей немедленно. Решено было выехать на другой день, 20-го рано утром.

В 9 часов утра лошади уже были готовы, и, несмотря на

дождь и грязь, мы тронулись в путь. Сербскую природу и виды сербских городов и деревень, без сомнения, описывали столько раз, что я уже и не буду пытаться говорить о моем восхищении и людьми, и природою, и жилищами.

Довольство, поистине незнакомое никому из русских, даже хорошо знающих Россию, даже имевших возможность видеть деревни «зажиточные», — довольство, виднеющееся здесь повсюду, — вот что сразу и на первых порах поражало русских. Нигде, ни в России ни за границею, не приходилось видеть мне такого равного благосостояния, простора, достатка. Везде капризно разбросанные каменные белые дома, построенные просторно, весело, в зелени, в садах; везде большие прочные амбары, риги, точно маленькие помещичьи усадьбы. Можно с уверенностью сказать, что никто еще из русских, живших здесь и писавших о Сербии, не знал ни Сербии ни сербов; но и самые ярые противники сербов соглашались в том, что благосостояние их не подлежит никакому сомнению; иные «из сердитых» говорили даже, что сербы слишком богаты, слишком зажирели, заелись, и что не мешало бы поспустить с них жиру. Действительно, серб нежен, даже изнежен, нервен, капризен. Зарычать на него, оборвать, окрестить хорошим русским словом — значит заставить его упереться, заартачиться; к несчастью, этот последний способ понуждения к исполнению требований очень широко практиковался здесь нашими соотечественниками и сильно вредил им во мнении сербов.

Недолго пришлось нам любоваться природой и довольством; со второй станции нам стали попадаться плохо одетые, видимо недовольные и неохотно направляющиеся в армию группы новобранцев последнего призыва. О выступлении в поход было объявлено только день тому назад, 19-го октября. Часов в 5 вечера, когда начало уже темнеть, по Белграду в разных направлениях ходили барабанщики и барабанным боем созывали рекрут, читали им распоряжение военного министерства о немедленном вступлении в армию. Это 19-го вечером, а 20-го утром, часов с 2-х дня, мы уже встречали этих новобранцев на пути, верстах в 30–35 от Белграда; чтоб пройти такой путь пешком, надо было выступить из Белграда в тот же день ночью, – можете судить по этому факту, точно ли правда то, что говорилось о сербской лени и неповоротливости.

Весь этот двигавшийся по размытой дождями дороге народ, очевидно, ушел, в чем был, не успев запастись теплым платьем, необходимой обувью и провизией; иные из городских мастеровых шли просто в одних сюртуках, довольно-таки плоховатых, в обыкновенных городских уже промоченных и хлебающих грязь сапогах; тут были действительно все возрасты: и старики, явно дряхлые, больные, и мальчики, почти дети, иные моложе даже 20-ти лет. Некоторые из них уже успели получить оружие, и некоторые, слишком юные и слабые, изнемогали под тяжестью старого кремневого или пистонного ружья. Один такой мальчик, буквально изнеможен-

ный, больной, весь в жару, плохо одетый и плохо обутый, до того разжалобил нас своим видом (он не жаловался никому ни на что), что мы упросили его возвратиться в Белград в русскую больницу, — что он и сделал после продолжительного раздумья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.